
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Анастасия Чернова
(г. Москва)

САМОЛЕТ ПРОЛЕТЕЛ

Выпускница Литинститута 2010 года, ведущая Клуба молодых прозаиков Литературного института им. А. М. Горького.

За огородами сразу начинался еловый лес, а чайная была в городе, пешком идти минут тридцать.

И вот весной, когда Волга вышла из берегов, затопляя набережную и березовую рощу, вернулся наш дядя Петя.

Не совсем наш. Он — муж тети Оли, а тетя Оля нам далекая-предалекая родственница, мы и не знаем с какой стороны. Глаза у нее голубые, как у Вити, и голос такой же громкий. На этом сходстве мы с сестрой Шурой и установили ее происхождение. «Видимо, бабушка тети Оли — сестра нашей пра-пра,— сказала Шура.— Или пра-пра-пра».

— Что такое пра-пра? — подскочил Витька.

— Это неведомые родственники,— объяснила Шура.

И я дообъясняла, торопясь. Ведь я старшая, а, значит, и ответ могу дать правильнее.

— То есть жили родственники и не знали друг о друге.

— А как померли, так все сразу узнали,— вмешалась Шура.

— Ну, еще бы,— согласилась я.— И без того понятно. Только все узнали, а после и опять забыли. В общем, родственники.

— Выходит и дядя Петя? — Витя радостно и задумчиво прищурил глаза.

— Выходит,— довольно произнесла Шура и потерла голой пяткой ногу.

Это было хорошее открытие.

Дядя Петя, загоревший и похудевший, сияя, сходил на землю. Такими мы и представляли матросов.

А тетя Оля обещала показать его поближе. То есть так, чтоб можно было потрогать бескозырку и померить ее.

— Буду моряком,— заявил Витя,— будет и у меня бескозырка.

— Вот и не будешь! — говорю я, а самой обидно, вдруг его как раз возьмут на корабль, а меня нет.

«Девчонка,— скажут.— Нам морячихи не нужны. У нас и так их в море полно. Русалками называются». А я не соглашусь: «Ваши русалки — только в суп годятся». Вот так и отвечу, пусть ахнут, как ловко сказано. Скорее бы дядя Петя к нам пришел. Чего только он не расскажет...

— И всем мне жизнь морская нравится,— мечтает Витя.— Вот шторм. А у меня в каюте клетки со щеглами висят. Над кроватью. Слышишь? А на палубе в конуре пес сидит. О приближении пиратов предупреждает. В общем, я их всех выгружаю за борт, и мы плывем в Сызрань, потому что в шторм корабль разваливается. А вот на земле — ему ничто не угрожает. Ты видела, куда пошел дядя Петя?

Разлилась Волга — в горизонт уперлась. А вода темная, особенно, когда солнце садится. Огненным шаром катится по волнам, пока не затонет. Как щеки на морозе, алая, вода. Ветер подует — будто рябину просыпали — рябью пойдет.

— Сызрань, родная,— тихо скажет дядя Петя. И поцелует жену.— Оля, Олечка...

А капитан даже на земле остается капитаном. Прохаживаясь важно по набережной, смотрит на часы. И все ему не терпится, на месте не стоит.

— Буду капитаном,— шепчет Витя.

А Шура смеется.

— Вот уж! Часики-то у него на цепочке! Не просто так.

И оркестр играет.

Шум, музыка, нарядные лица — все крутится перед глазами, и я сжимаю сестру за руку как-то слишком крепко, так, что она оглядывается на меня и спрашивает:

— Ты чего?

Витя бежит сбоку от нас, приговаривая:

— Они пошли, они пошли, а нам нельзя! Почему я не моряк, я тоже люблю море!

— Вот,— отвечаю я Шуре.— Витька всех заговаривает. Люблю, люблю... — И, обернувшись, кричу на него неожиданно громко: — Любить надо СССР!

— А я люблю! — оправдывается Витя, широко раскрывая глаза.— Правда-правда.

Он так испуганно распахивает глаза, что я не выдерживаю и смеюсь.

Матросы тем временем во главе с капитаном шагают по городу. В чайной они отпразднуют свое возвращение и только после разойдутся по домам, на долгий отпуск.

Капитан уже не смотрится таким сосредоточенным и сердитым. Он улыбается, закусив нижнюю губу, и голову держит немного набок.

Хорошо тете Оле. Жены не отстают ни на шаг, там ведь будет играть музыка, на маленькие круглые столики разнесут мороженое, мы не знаем, что еще будет, но чувствуем: такого веселого окончания долгого путешествия нет ни у кого, кроме моряков. К ночи они возвращаются, опираясь на жен, домой, они улыбаются, и смеются, и песни поют, а дядя Петя даже танцует, ведь какое счастье, ступить на землю после плавания, когда вокруг была — одна зеленая вода, и чайки в небе вились, высоко-высоко, свободные и белые, как кора березы.

«Любимый город!» — поет дядя Петя.— «Тебя я не забыл».

По тропинке, через еловый перелесок, мы спешим домой. Тяжелые, хмурые ветви виснут над нашей головой. Мне кажется, что где-то рядом затаился волк. Я даже чувствую его горячее жадное дыхание... Ведь в лесу только и бродят волки, медведи, ищут, кого бы съесть. У медведя хотя бы избушка есть, где-то в самой чаще, среди болот. Он пироги любит, дрова рубит. На человека чем-то даже похож. Волк же — совсем другое дело. Я слышала, он ночами зимними воет, так воет...

«Мама, кто это?» — просыпалась Шура.

Была метель, и за окном, закрытом толстой ледяной коркой, пронеслись точечные тени, закручиваемые вихрем, как искры от костра.

«Метель»,— отвечала мама.

Вдруг в лицо врезается, ударяя, когтистая лапа.

— Ой! — вскрикиваю я, хватаясь за щеку.— Волк!

— Волк! — Витя прижимается к Шуре, а Шура сползает на землю, в желто-рыжий мох.

Это на мгновение. В следующее — мы уже бежим. Впереди, быстрее всех, Витя, следом Шура, потом я, не оглядываясь и не переговариваясь. И вылетаем на опушку, на светлую, облачную поляну.

Вечерний туман, поднимающийся с земли, окутывает ноги и будто светится изнутри, по-лунному прозрачно и молочно. Безветрие. Тишина.

Только тоскливо перелайваются вдалеке собаки, и где-то гремит заунывно у колодца ведро.

— Нету волка,— первым опомнился Витя.

Мы с Шурой падаем в заросли осоки, смотрим, не отрываясь, в темнеющее небо, как рассыпались по нему, будто незрелый крыжовник, бледные звезды. Оставляя белую борозду, бесшумно пролетает самолет.

Витя садится рядом.

— Вот девчонки. А я — моряк. Чего волков бояться? Со мной уж могли б не бежать. Я сам — морской волк. Акулу — и ту сумею пристукнуть.

Он срывает травинку, положив в рот кончик, задумчиво и мечтательно обсасывает, словно уже капитан, и на борту корабля, и с трубкой.

— Не было... — тянет Шура, приподнимая улыбкой кончики губ. Русые волосы, заплетенные в две тонкие косички, сливаются с туманом, и только лицо, раскрасневшееся, худое, странно сияет радостью над травой.

— Ну, как же не было, ну как же не было! — я вскакиваю.— А это что? Он лапой мне в лицо, сама видела, как вылез, как на меня...

И показываю, наклоняясь, сначала сестре, потом брату правую щеку. И точно. Что-то похожее на царапину, будто след от еловой ветви, когда она с размаху скользнет, задетая плечом.

— Значит, был,— удивляются они.— Но мы не видели.

— Он убежал,— объясняю я.— Испугался! Трус!

— Жалко, вот бы я ему... Как раз бы дяде Пете шкуру подарил, чтобы... — как всегда начинает придумывать Витя и вдруг изумленно, обрываясь на полуслове, смотрит вверх.— Самолет,— показывает он пальцем в небо.— Вот где красотища! Какой маленький! И как высоко!

Мне самой всегда очень нравились самолеты. Вернее, след, который медленно таял после них. Розовато-белый. С комочками. Будто лопатой по земле провели, взрыхляя.

Мы тихо смотрим, как медленно и плавно скользит самолет, как скрывается он на горизонте. Белый крохотный самолет, и волнами вокруг вьются облака.

Ветер, волны Волги, тополиный пух... Набережная, гудящий пароход. «Как хорошо,— вдруг думаю я,— что Витя станет моряком». И уже вижу, как он сходит на берег и широко улыбается, а мы, сестры, встречаем его, подхватывая тяжелые чемоданы.

Как дядя Петя, быть может, он скажет и нам: «Видел я далекие страны. Даже такие, где люди живут в песчаных домиках, а пьют воду из туч. Они тучи, как яблоки, с неба снимают. Как белье выжимают, а по вкусу та вода — будто мед».

— Пойдемте купаться! — говорит Шура.— Мне захотелось.

— Поздно.

Мы смотрим в небо, которое все ярче расцветает звездами.

От весенних трав поднимается густой влажный запах, и кузнечики стрекочут громче.

— Домой пора.

— На Волгу! — возникает Витька. — Пожалуйста, ну, пожалуйста.

И мы идем обратно, через еловый перелесок, к нашей любимой запруде. С каждым шагом, все больше и больше хочется прыгнуть, взметая брызги, в холодную, как лед, воду. И волков никаких нет.

Быть может, потому их нет, что попадается нам навстречу тетя Оля? Она в белом праздничном платье, высокая, ведет под руку дядю Петю, который что-то говорит шепотом, а что — мы не слышим. Тетя Оля только хмурится, как вдруг видит нас.

— Здравствуйте,— пищит Витька.

Он, если кого-то уважает очень, то уже не может говорить спокойно и обыкновенно. Он рассматривает дядю Петю, а тетя Оля, остановившись, с удивлением спрашивает:

— Вы куда так поздно?

— Купаться,— объясняет Шура. — Захотелось что-то.

— Так поздно! — тетя Оля, качая головой, прижимает ко лбу руку. — О...

— Да что нам! У нас Витька матросом будет. Хорошо плавает. Вот даже шторм случится — и в шторм поплывет. Корабль-то развалится, а Витя — в Сызрань, по Волге,— скороговоркой рассказывает Шура,— возвратится.

— Не матросом, а капитаном,— поправляю я. — Мы его встречать будем.

— В шторм... паруса! Приспустить... паруса... и еще... — медленно говорит дядя Петя.

Вид у него очень уставший. Белое, почти как полотно, лицо. И вдруг... вдруг я вспоминаю, что бабушка тети Оли — нам пра-пра, и, как сама я говорила: «То есть умерли они, и все узнали об этом. А потом забыли». Смысл этих слов только сейчас доходит до меня.

«Умерли»... «Покойники!»

Над нами черное небо, от болот встает туман. И по траве рассыпалась, играя, бледными звездочками крупная роса.

В такие же тихие, теплые вечера приезжий старик рассказывал нам, сидя на крыльце, страшным завывающим голосом: «Поко-о-ойники... но-о-очью встают из мо-о-огил...»

— Пойдемте, я отведу вас домой,— тетя Оля берет Витю за руку. — Ты устал?

— Паруса и прочее,— заканчивает дядя Петя, зевая.

Глаза тети Оли голубые, ласковые, от ее платья пахнет хлебом.

Покойники. Но разве так бывает? Нет, не бывает! Сколько раз — весной разливалась Волга, затопляя березовую рощу? Потом вода сходила. Обнажались тонкие стволы, у корней вились низкие кусты, и птицы, слетевшись, пели особенно ярко в ветвях.

Так и человек. Пусть и покойник, пусть в земле лежит-лежит, а потом из земли и встал. Ничего особенного. Я ведь и сама не стану в земле лежать. Скучно это. Роща весной под водой, а летом — уже под небом, опять зеленая, опять шумная. «Наша пра-пра», — радостно думаю я про тетю Олю, послушно ступая за ней по тропинке.

— Значит, моряком станешь? — просто так говорит она Вите. — По Волге в море?

Витя еще раз разочарованно оглядывается на дядю Петю. Тельняшка, обветренные щеки, — все хорошо, только бескозырки на голове нету. Совсем нету. Ни звезды, ни ленточки.

— Не моряком, не по Волге, а по небу, этим, как его... — медленно выводит слова Витя: — лет-чи-ком. В самолете-те.

— Что?! — мы с Шурой, почти ослобнев, в один голос переспрашиваем.

— Легчиком! Вот!

Впереди уже розовеют окнами домики нашей улицы. Возле калитки, грустно всматриваясь вдаль, стоит мама.

«Любимый город! Тебя я не забыл!» — поет дядя Петя и притопывает. — «Не забы-ы-ыл!»

— Мама! — бежим, обгоняя друг друга. — Мы волка в лесу видели, корабли и самолеты, капитана. А Витька у нас летчиком будет!

А дядя Петя все поет и танцует, только песня его какая-то странная, без слов, а напев — словно льдины, стеклянные, со стоном по реке спускаются, и сердито тают в сыром темном воздухе.

